

**ПОПЫТКИ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ИЕРАРХИИ
ОБЕСПЕЧИТЬ ПОЛОЖЕНИЕ УНИИ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ПОСЛ. ЧЕТВ. XVIII – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX В.**

*Протоиерей Александр Романчук,
кандидат богословия
(Жировичи, Минская духовная семинария)*

Около 1772 г. Униатская Церковь в Речи Посполитой имела 8 епархий с 9452 приходами. В процессе разделов Речи Посполитой (1772–1795) в границы Российской империи вошли территории, на которых в полном составе располагались униатские Луцкая, Владимирская (Брестская), Польшкая и Смоленская епархии [12, № 1993, с. 258], а также часть Киевско-Галицкой митрополии. Число униатских приходов достигало 6052 с 4 653 379 верующими [23, с. 47–50].

В Речи Посполитой Униатская Церковь занимала второсортное положение по отношению к католицизму латинского обряда. И правительство, и польское католическое общество не заботились об улучшении церковной жизни униатов. Они более обращали внимание на распространение унии среди остатков православного населения, зачастую демонстрируя греко-католикам презрение, а в некоторых случаях и враждебность [24, с. 7–8]. Помимо этого, усилия униатской иерархии, направленные на укрепление церковного организма, в значительной степени осложнялись быстрым ростом численности униатов в конце XVII – первой половине XVIII в., рядом специфических черт церковной жизни на белорусско-украинских землях, а также противоречиями, сложившимися внутри клира. Поэтому вошедшая в пределы Российской империи часть униатской церкви несла в себе многочисленные проблемы, возникшие в течение двухсот лет ее существования. Их можно охарактеризовать как кризисные явления, которые делали неустойчивым положение унии в России между католицизмом латинского обряда и православием.

В российском государстве, в котором Православная Церковь занимала оформленное законом господствующее положение, уния оказалась под угрозой православного реванша. Чтобы обеспечить ее дальнейшее существование в новых общественно-политических реалиях и предотвратить массовый переход верующих как в православие, так и в латинский обряд униатской иерархии требовалось выстроить отношения с российским правительством и повысить жизнеспособности униатской церкви посред-

ством реформ. Деятельность руководителей унии в России в этом направлении началась сразу после первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. и завершилась с возникновением проекта общего воссоединения униатов с православными, выдвинутого прелатом Иосифом Семашко в 1827 г. В этот промежуток времени можно выделить два подхода к решению проблемы сохранения церковной унии в Российской империи и улучшения внутреннего состояния униатской церкви.

Первую подход пытался реализовать архиепископ Полоцкий (впоследствии митрополит Киевский и Галицкий) Иасон (Смогоржевский). На его плечи легла ответственность за 800 000 униатов восточной части Белоруссии (Полоцкой и Смоленской униатских епархий), отошедшей к Российской империи по первому разделу Речи Посполитой [26, с. 277]. Смогоржевский хорошо понимал сложность положения, в котором оказался.

Во-первых, его поведение находилось под пристальным вниманием петербургского правительства. Малейшее подозрение в нелояльности новой власти могло спровоцировать отрешение его от церковного руководства и поставить крест на его начинаниях.

Во-вторых, архиепископ Иасон понимал, что его позиция волнует Римскую курию, в которой могли появиться сомнения в твердости его желания отстаивать интересы Католической Церкви в угоду властям, желавшим восстановления позиций православия, что могло послужить поводом для лишения его властных полномочий.

В-третьих, в любой момент можно было ожидать развертывание православного наступления на унию.

Последнее было особенно актуально. В границах Речи Посполитой на правобережной Украине, куда Уния смогла проникнуть лишь в последние десятилетия перед первым разделом Польско-Литовского государства, в 1768–1772 гг. произошли многочисленные переходы униатского духовенства и прихожан в православие, что привело к вспышке противостояния православных и униатов, продолжавшегося и в последующие годы [12, № 2065. с. 276–278 ; № 2100. с. 297–298 ; № 2111. с. 302 ; № 2112. с. 302–305 ; № 2116. с. 305 ; № 2170. с. 323–324 ; № 2225. с. 368 ; № 2226. с. 368 ; № 2107. с. 301 ; № 2115. с. 305 ; № 2167. с. 322 ; № 2088. с. 286–287 ; № 2093. с. 295 ; № 2094. с. 295–296 ; № 2097. с. 297 ; № 2109. с. 301–302 ; № 2122. с. 306 ; № 2040. с. 266–268]. На территории Российской империи, наоборот, в межконфессиональных отношениях наблюдалось спокойствие о котором свидетельствовали сами униаты [10, с. 32 ; 14, № 14042, с. 827–833 ; 1, с. 1–2]. Однако, оно было достигнуто запрещением право-

славной иерархии принимать желавших отказаться от унии священников и верующих в православие и было очень хрупким, учитывая миссионерскую ревность управлявшего Могилевской православной епархией святителя Георгия (Конисского). К 1775 г. в распоряжении святителя Георгия имелось около 80 прошений о принятии в православие униатских приходов в полном составе [4, с. 268], о чем, безусловно, архиепископ Иасон не мог не знать. К тому же до него доносили слухи о желании императрицы Екатерины II упразднить Унию после его смерти [4, с. 268 ; 7, с. 71].

В таких непростых условиях Смогоржевский развил энергичную деятельность, о которой свидетельствуют документы, отложившиеся в Архиве западнорусских униатских митрополитов. В первую очередь, уже в августе 1772 г. владыка Иасон без колебаний присягнул российской императрице, за что правительство допустило его к управлению Полоцкой кафедрой. 24 сентября 1772 г. Полоцкий архиепископ объявил духовенству, что признал российскую власть и обязался быть ей верным, поскольку императрица Екатерина II «подтвердила права униатского исповедания», а потому за нее нужно молиться, демонстрируя полную лояльность [12, № 2057, с. 273]. В последующем Смогоржевский завязал личные отношения с российскими сановниками – Г.А. Потемкиным, А.Д. Ланским, З.Г. Чернышевым, М.Н. Кречетниковым. Через них он надеялся повлиять на конфессиональную правительственную политику в крае, обеспечить неприкосновенность унии [1, с. 422–428].

Опираясь на достигнутое утверждение своих полномочий со стороны правительства и приобретенные при Петербургском дворе связи, Смогоржевский распространил свою власть на всех униатов в России и убедил Папу в том, что он остается твердым униатом и всегда будет ставить интересы Рима на первое место. Для этого он добился того, чтобы императрица Екатерина поминалась в униатских церквах не перед, а после поминания Папы и не «благочестивой», а «всемилостивейшей» [10, с. 38–39], что шло вразрез с церковной практикой в Российской империи, а также предпринял ряд шагов, направленных на укрепление в приверженности католическому вероисповеданию как простых верующих, так и духовенства.

В 1776 г. архиепископ Иасон распорядился о широком праздновании очередного юбилея. В приуроченном к этому событию послании к духовенству и пастве он заявлял об истинности католической веры и необходимости для религиозного спасения подчиняться Папе Римскому, повторяя мысль митрополита Ипатия (Потея) о том, что Киевская митрополия состояла в союзе с Римом уже в 1476 г. [12, № 2215, с. 362].

На личные сбережения Смогоржевский обучал нескольких клириков в европейских католических учебных заведениях. С 1773 г. он начал сбор средств для открытия в Полоцке при своей кафедре духовной семинарии [12, № 2127, с. 307–311]. В 1779 г. необходимая сумма была собрана [№ 2287, с. 380–384].

Наконец, Смогоржевский выхлопотал у Папы Пия VI бреве, которым ему и его преемникам даровалось право награждать особым (дистрикториальным) крестом наиболее образованных и энергичных священников. Эта награда, имевшая большое моральное значение и укреплявшая приверженность униатской церковной элиты Риму, давалась за академическую степень, участие в обучении кандидатов в священство, миссионерскую деятельность, литературные, катехизические и пастырские труды [11, с. 115].

Твердая католическая позиция архиепископа Иасона и достижение им компромисса с российской властью получили высокую оценку в Риме. В 1775 г. Папа Пий VI наградил его правом ношения золотого или серебряного наперстного креста [12, № 2151, с. 314], а также правом ему и его преемникам преподавать отпустительное папское благословение (индальгенцию) в один из дней седмицы Тела Христова [12, № 2152, с. 314]. Особым свидетельством доверия Апостольской столицы к униатам в России и их архипастырю можно считать восстановление в 1774 г. для областей, отошедших к Российской империи, декрета Папы Урбана VIII, запрещавшего униатам переходить в римский обряд [12, № 2129, с. 311].

Деятельность архиепископа Иасона была энергичной, но недолгой. В 1778 г. умер униатский митрополит Филипп (Володкович), а в 1779 г. его преемник митрополит Лев (Шептицкий). Смогоржевский расценил эти события как возможность не только своего личного возвышения, но и дополнительного укрепления позиций Унии в России. В 1779–1780 гг., используя свои широкие связи при Варшавском, Венском и Петербургском дворах, он постарался занять митрополичий престол, находившийся вне границ Российской империи, но при этом оставить за собой и своими преемниками на митрополичьей кафедре власть над Полоцкой архиепископией посредством коадьютора. На эту должность он предложил кандидатуру епископа Порфирия (Важинского), очень хорошо зарекомендовавшего себя в Римской курии.

Замысел архиепископа Иасона, заключался в усилении зависимости российской части Униатской Церкви от Высшего церковного управления, располагавшегося вне границ России. Это была красивая задумка. По сути положение белорусских униатов менялось незначительно. Они и до этого момента подчинялись митрополиту, который не являлся подданным

Российской империи. В то же время приведение этого плана в жизнь расширяло для униатской иерархии поле политического и церковно-административного маневра и значительно укрепляло позиции Унии перед лицом существовавших для нее в России угроз.

Намерение Смогоржевского вошло в противоречие с конфессиональной политикой правительства России, направленной на максимально возможное обособление католического населения России от власти Апостольской столицы. Как известно, именно на рубеже 1770–1780-х гг. императрица Екатерина II добивалась от Папы назначения главой всех католиков латинского обряда в империи Могилевского архиепископа Станислава (Сестренцевича), готового жертвовать интересами Рима ради лояльности российской власти [16, с. 40–54]. Несмотря на искусное вуалирование Смогоржевским своей цели – усиления позиции Униатской Церкви, которое он пускал в ход при личных, в некоторых случаях дружеских контактах с представителями российских правительственных кругов, суть намерений униатского архиепископа не укрылась от императрицы Екатерины II и ее сановников. В результате императрица позволила архиепископу Иасону перейти в австрийское подданство и занять униатский митрополичий престол, но отказалась оставить в его опосредованной коадьютором власти Полоцкую кафедру.

Таким образом, архиепископ Иасон (Смогоржевский) не предпринимал попыток глубокого реформирования Униатской Церкви. Его деятельность была направлена на обеспечение положения униатов в неблагоприятных для Унии общественно-политических условиях российского государства, и укреплении пасомых в приверженности Риму. Преобразовательную деятельность Смогоржевского, продолжавшуюся с 1772 по 1780 г., нельзя оценить, как успешную. Она была остановлена, еще не успев развиться и принести плоды. Его план усиления зависимости российской части Унии от заграничного Высшего церковного управления, похоронивший все его начинания, возник под воздействием быстро меняющихся исторических обстоятельств (вакантное место униатского митрополита после кончины митрополита Льва (Шептицкого) в 1779 г.). Этот план свидетельствует о быстроте реакции архиепископа Иасона, его организаторских способностях, но он не опирался на подготовленную политическую почву. В его реализации Смогоржевский мог рассчитывать лишь на свой дипломатический талант, который, очевидно, был велик. Однако, его оказалось недостаточно. Императрица Екатерина II сумела рассмотреть несогласие намерения Смогоржевского с общим курсом своей конфессиональной политики в ново-

приобретенных губерниях и не допустила его осуществления. В результате положение унии в начале 1780-х гг. в России стало еще более неустойчивым, а проблемы церковной жизни продолжали оставаться нерешенными.

Деятельность архиепископа Иасона (Смогоржевского) со всей очевидностью продемонстрировала, что лояльность униатской иерархии, а следовательно, и всего униатского духовенства и населения является для российской власти труднодостижимой целью. Это вывело межконфессиональные отношения в присоединенных к Российской империи в 1772 г. восточнобелорусских землях из хрупкого равновесия, и подтолкнуло императрицу Екатерину II к действиям, которые сводили к минимуму власть Папы над российской частью Униатской Церкви и усиливали ее зависимость от государства. С этой целью управляющим Полоцкой униатской епархией в 1785 г. был назначен архиепископ Иракий (Лисовский). Он демонстрировал покорность российским властям и согласие с их конфессиональной политикой, а также был известен широкими взглядами на принцип церковной унии за которые вызывал у приверженцев Рима подозрение в симпатиях к православию [25, s. 243]. По сути фигура Лисовского для униатов представляла собой полный аналог фигуры Сестренцевича для католиков латинского обряда, что Петербургский двор не скрывал.

С именем архиепископа Иракия (Лисовского) связана волна преобразований в униатской церкви. Лисовский оказался в тех же условиях, что и архиепископ Иасон (Смогоржевский), но его подход к решению проблемы сохранения и возвышения унии был иным. Он был искренним униатом [9, с. 41–42], полагал, что Брестская церковная уния может способствовать преодолению раскола 1054 г., был готов трудиться над присоединением к Риму всей Русской Церкви. Средством для решения такой сверхзадачи Лисовский видел осуществление идей, высказанных профессорами Сорбонны в письме к императору Петру I, датированному 1717 г. [1, с. 596–597 ; 13, с. 271], а также сближение униатского обряда с православным [1, с. 597, 598].

22 февраля 1786 г. архиепископ Иракий обратился в Рим с письмом, в котором содержалась просьба позволить ему очистить униатский обряд от латинских наслоений, которые, по его мнению, не соответствовали восточнохристианской традиции униатской церкви и не допускались условиями унии, утвержденными Святым престолом в 1595 г. [28, s. 114 – 117; 1, с. LIV–LVII]. Очевидно, что, предлагая литургическую реформу, Лисовский пытался оградить Унию от поглощения латинским обрядом и дополнительно обеспечить положение унии в глазах правительства. По его мнению, отсутствие внешних отличий униатов от православных при согла-

сии на минимизацию зависимости униатов от Рима, устраняло почву для враждебного отношения властей.

Замысел архиепископа Ираклия не встретил понимания в руководстве Католической Церкви. Папский нунций в Речи Посполитой Фердинандо (Салюццо) 8 июня 1785 г., т.е. еще до отправления послания Лисовского в Рим, писал префекту Конгрегации пропаганды веры кардиналу Леонардо (Антонелли): «Существует реальная опасность, что Лисовский стремится ограничить отправление читаемой литургии, чтобы все было одинаково с традицией греческих схизматиков» [28, с. 38]. 18 июня 1787 г. под председательством кардинала Антонелли состоялось заседание специальной комиссии, составленной из членов Конгрегации пропаганды веры [28, с. 81–112], на которой было выработано решение предписать архиепископу Ираклию неукоснительно исполнять постановления Замойского Собора. Ему запрещалось самовольно менять церковные обряды, а также специально указывалось, что «если подобная реформа и должна быть проведена, то ее нужно проводить с участием всех епископов Киевской Церкви». Отдельным пунктом в постановлении Конгрегации запрещалось использование православных служебников, даже изданных в Киевской митрополии до унии [28, с. 88].

В противовес подходу архиепископа Ираклия, состоявшему в сближении униатской обрядности с православной богослужебной практикой Конгрегация пропаганды веры 30 января 1787 г. разрешила иеромонахам, поступившим в орден базилиан из латинского обряда, совершать не униатские богослужения, а латинскую мессу [1, с. 249], что вело к усилению латинизации литургической практики в базилианских монастырях, традиционно имевшей большое влияние на строй приходских богослужений. Согласно свидетельству архиепископа Антония (Зубко), монахи-базилиане, опираясь на однозначно выраженное мнение Римской курии отказывались подчиняться правящему архиерею в богослужебных вопросах и активно внедряли латинскую литургическую практику в своих обителях [2, с. 62; 12, с. 748].

Несмотря на позицию руководства Католической Церкви и противодействие базилианского монашества, Лисовский был уверен в правильности своего подхода и старался восстанавливать в униатских храмах православные обрядовые традиции. В 1790 г. иеромонах Иустин (Крупеницкий) сообщал папскому нунцию, что архиепископ Ираклий требует, чтобы во время служения Литургии Царские Врата и катапетасма закрывались и открывались согласно восточной традиции богослужения [6, с. 209]. В начале

1790-х гг. владыка Иракий вел дело о созыве в Варшаве Собора униатского духовенства, на котором он надеялся поставить вопрос о необходимости литургической реформы. Однако Собор, намеченный на 1796 г. не состоялся из-за резкого изменения политической обстановки [22, с. 846–852].

В условиях, когда руководство Католической Церкви явно проявило недоверие к предложенному сближению униатской и православной литургических практик, архиепископ Иракий не отказался от своего подхода к сохранению и укреплению Унии. Он твердо намеревался остановить очевидно приветствуемое Римом поглощение униатов латинством, не бросив их, вместе с тем, в руки православия [13, с. 271; 21, № 8. с. 43, 45]. В целом его усилия сводились к превращению Униатской Церкви в лояльное Российской империи религиозное объединение внешне почти не отличающееся от господствующего вероисповедания, имеющее автономное управление с номинальной духовной зависимостью от Римского Папы, а также верное своему обряду хорошо образованное духовенство [сравн. 5, с. 97–98].

Архиепископ Иракий в первые два десятилетия своего руководства униатами в России столкнулся с резким увеличением своей паствы в результате второго и третьего разделов Речи Посполитой, церковно-административным переустройством Униатской Церкви, проведенным правительством, массовыми переходами униатов в православие и в латинский обряд, которые шли волнами с 1780 по 1784 г. и с 1794 по 1803 г. Лисовский не был в состоянии повлиять на эти события, и они отложили осуществление его реформаторских планов. К их приведению в жизнь архиепископ Иракий смог приступить лишь после 1801 г. в условиях подчинения униатов власти латинского митрополита Станислава (Сестренцевича) и широко-масштабного наступления на Унию со стороны латинского духовенства. Поэтому его преобразовательные начинания в это время носили выраженную антилатинскую мотивировку.

Осознавая отсутствие поддержки со стороны Римской курии, опору для своей деятельности Лисовский старался найти в российских властях. В записке, адресованной графу З. Чернышеву, датированной 2 июля 1805 г., он прямо просил этого сановника обратить внимание царя на проблему спасения униатов от латинян [17, л. 26–27]. Чернышев в письме к императору Александру I писал, что Лисовский умоляет его «доставить униатам справедливую защиту» [17, л. 28 об]. Российское правительство в целом шло архиепископу Иракию навстречу. Запрещался латинский прозелитизм, и латинизантам (как тогда называли перешедших в латинство греко-католиков) было предложено вернуться из костелов в свой обряд. Эти запреще-

ния в соединении с требованиями к латинскому духовенству ни в чем не стесняли свободу совести униатского населения повторялись в 1803, 1804, 1806, 1807, 1810 гг. [1, с. 36–37 ; 39–41 ; 41–42 ; 78 ; 82; 90 ; 98–99] В 1804 г. в Римско-католическую духовную коллегия были допущены униатские заседатели [1, с. 77]; в 1805 г. было установлено митрополитальное устройство Униатской Церкви в России [15, с. 670–671]; в том же году в структуре Римско-католической духовной коллегии появился 2-й (униатский) департамент, в котором председательствовал униатский митрополит и появление которого несколько ослабило подчиненность униатов власти латинской иерархии [1, с. 82]; в 1808 г. униатское духовное юношество было допущено к получению высшего богословского образования в католической Главной духовной семинарии при Виленском университете [1, с. 37–39]; в 1806 г. учреждена Полоцкая духовная семинария с углубленным изучением униатских обрядов [1, с. 89–90]; в 1809 г. была учреждена новая униатская Виленская митрополичья кафедра [1, с. 94].

Деятельность митрополита Иракия (Лисовского) укрепила Униатскую Церковь: она сохранила и даже расширила свою епархиальную структуру, получила митрополитальное устройство, обрела голос в Высшем управлении Католической Церкви в России, число представителей белого духовенства, имевших систематическое богословское образование, пополнилось выпускниками католической Главной духовной семинарии при Виленском университете, был затруднен, хотя и не остановлен, перевод униатов в костелы. В то же время реформы высокопреосвященного Иракия, умершего в 1809 г., не устранили кризисные явления, которые делали положение унии в России неустойчивым. Положение усугублялось тем, что единомышленные Лисовскому митрополит Григорий (Коханович) и архиепископ Иоанн (Красовский) не сумели в силу объективных и субъективных причин продолжить преобразования [12, № 3154, с. 744; 8, с. 53]. В свою очередь, митрополит Иосафат (Булгак), возглавивший унию в 1817 г., ценил доброе расположение к себе государственных сановников, любил демонстрировать правительству верноподданнические чувства, но не разделял идеи митрополита Иракия и в делах церковного управления был человеком пассивным. Он не предпринимал никаких шагов против нарастания латинизации и полонизации унии, не препятствовал тайному латинскому прозелитизму, не способствовал преодолению невежества приходского духовенства [18, л. 11; 8, с. 53; 3, с. 56; 9, с. 72; 19, л. 1–3; 20, л. 1–5].

Таким образом, преобразовательные начинания Лисовского были в целом успешными, но они не получили продолжения. Их значение заклю-

чается в том, что впервые после заключения унии униатская иерархия не способствовала обособлению униатского и православного обрядов, а предприняла конкретные шаги, направленные на сближение литургических практик униатов и православных. Для униатского духовенства это, без сомнения, являлось революционным поворотом. Вместе с тем, незавершенность реформ создавала почву для появления следующих проектов преобразований, среди которых теоретически мог возникнуть и проект возвращения униатов к православному вероисповеданию.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. – Вильна : Типография А.Г. Сыркина, 1889. – Т. XVI: Документы, относящиеся к истории церковной Унии в России. – 704 с.

2. Антоний (Зубко), архиепископ. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России / архиепископ Антоний (Зубко) // Сборник статей, изданных Св. Синодом по поводу 50-летия воссоединения с Православной Церковью западно-русских униатов. – Санкт-Петербург, 1889. – с. 38–76.

3. Бобровский, П.О. Русская Греко-Униатская церковь в царствование императора Александра I. Историческое исследование по архивным документам П.О. Бобровского / П.О. Бобровский. – Санкт-Петербург : Типография В.С. Балашева, 1890. – 394 с.

4. Булгаков, М., священник. Преосвященный Георгий Конисский, Архиепископ Могилевский / священник М. Булгаков. – Минск: «Виноград», 2000. – 656 с.

5. Говорский, К. Взгляд на состояние униатской церкви в Белоруссии со времени возвращения этой страны к России / К. Говорский // Вестник Юго-Западной России. – 1863/1864. – Т. 3. – Январь. – с. 89–98.

6. Гуцуляк, Л.Д. Божественна літургія Йоанна Золотоустого в Київській митрополії після унії з Римом (період 1596–1839) / Л.Д. Гуцуляк. – Львів : Свічадо, 2004. – 429 с.

7. Долбилов, М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II // М.Д. Долбилов. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – 1000 с.: ил.

8. Иосиф, (Семашко), митрополит. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академіею Наук по завещанию автора: в 3 т. / т. 1 / митрополит Иосиф (Семашко). – Санкт-Петербург : Типография императорской Академии Наук, 1883. – 745 с.

9. Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковию в 1839 г. / Г.Я. Киприанович. – изд. 2-е испр. и доп. – Вильна : Типография И. Блюмовича, 1897. – 613 с.: 3 вкл. л. портр.

10. Коялович, М.О. Ясон Смогоржевский, полоцкий униатский архиепископ, в последствии униатский митрополит // Журнал министерства народного просвещения. – 1873. – Ч. CLXV. – с. 31–59.

11. Назарко, Иринея, ЧСВВ. Київські і Галицькі митрополити. Біографічні нариси (1590–1960) / Иринея Назарко. – Торонто : Видавництво отців Василян, 1962. – 269 с.

12. Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов : в 2 т. / – Т. 2. (1701–1839). – Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1907. – 1631 с.

13. Петров, Н.И. Очерк истории Базилианского ордена в бывшей Польше / Н.И. Петров // Труды Киевской духовной академии. – 1872. – Т. 1. февраль. – с. 161–272.

14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (1649–1825). – Т. 19. – Санкт-Петербург : печатано в Типографии II Отделения Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии, 1834. – № 14042. – с. 827–833.

15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (1649–1825). – Т. 29. – Санкт-Петербург : печатано в Типографии II Отделения Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии, 1834. – № 22226. – с. 670–671.

16. Попов, М.А. Митрополит с. Богуш-Сестренцевич: роль в формировании правительственной политики по отношению к Римско-Католической Церкви на белорусских землях (кон. XVIII – перв. четверть XIX в.): дис. ... канд. истор. наук: 07. 00. 02 / М.А. Попов. – Минск, 2007. – 150 с.

17. РГИА. Ф. 797. Оп. 6. Д. 22303. По отношению Полоцкого архиепископа Лисовского, о делаемых латинским духовенством униатскому притеснениях.

18. РГИА. Ф. 797. Оп. 6. Д. 22315. О распоряжениях, сделанных при жизни Митрополитом Лисовским насчет униатских церквей и проч.

19. РГИА. Ф. 797. Оп. 6. Д. 22376. По отношению Брестского Греко-Унитского епископа Булгака с приложением свидетельства Литовского военного губернатора, о сохранении им верности к Российскому Престолу во время нашествия неприятеля.

20. РГИА. Ф. 797. Оп. 6. Д. 22408. О приглашении митрополита греко-унитского Булгака во Дворец к обеденным столами о всемилостивейшем пожаловании его кавалером ордена св. Анны 1-й степени.

21. Шабатин, И. Из истории воссоединения белорусских униатов / И. Шабатин // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – № 8. – с. 37–49; 1951. – № 2. – с. 35–47; № 6. – с. 59–63; № 10. – с. 47–54; № 11. – с. 51–60.

22. Harasiewicz, M. Annales Ecclesiae Ruthenae / Harasiewicz, M. – Leopoli : Typis institute rutheni Stauropigiani, 1862. – 1184 s.

23. Kołbuk, W. Kościoły wschodnie w Rzeczypospolitej około 1772 roku / W. Kołbuk. – Lublin : Instytut Europy Środkowo Wschodniej, 1998. – 460 s.

24. Likowski Edward, biskup. Unia Brzeska (r 1596) / biskup Edward Likowski. – Warszawa, 1907. – 355 s.

25. Likowski, Edw. Dzieje Kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku, uważane głównie ze względu na przyczyny jego upadku / Edw Likowski. – Poznań, 1880. S. 243

26. Mironowicz, A. Diecezja białoruska w XVII i XVIII wieku / A. Mironowicz. – Białystok: Wydawnictwo uniwersytetu w Białymstoku, 2008. – 351 s.

27. Radwan, M. Carat wobec kościoła greckokatolickiego w zaborze Rosyjskim 1796–1839 / M. Radwan. – Roma; Lublin : Polski instytut kultury chrześcijańskiej, 2001. – 504 s.

28. Solovij, M.M., OSBM. De reformatione liturgica Heraclii Lisowskyj archiepiscopi Polocensis (1784–1809) / M.M. Solovij, OSBM // Analecta OSBM – Series II. – Sectio I, Vol. II). – Romae : ex Pontificio Instituto Orientalium Studiorum, 1950. – 128 s.

ПОНЯТИЕ О «ГОСПОДСТВЕННОЙ» ВЛАСТИ СВЯЩЕННИКА У СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО

*Священник Алексей Черный
(Москва, ПСТГУ)*

Современную религиозную ситуацию нередко представляют как кризис религиозного лидерства. В частности, богословские проблемы современного католического священства во второй половине XX в. становятся популярной темой у исследователей. В отличие от Востока, на Западе история священства была наиболее драматичной и нередко предстает в литературе как история клирикализации и декликализации.